Научная статья
УДК 159.9.072
DOI: 10.14529/jpps250106

Девиантное поведение в виртуальном пространстве: кибербуллинг и киберлафинг

Н.В. Сиврикова[1], Т.Г. Пташко[1], А.А. Шевченко[2]✉
[1] Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
[2] Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
✉shevchenkoaa@susu.ru

Аннотация

Обоснование. Интернет-технологии стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Киберлафинг и кибербуллинг являются новыми формами девиантного поведения, связанными с использованием виртуального пространства. Взаимосвязь данных явлений в научной литературе исследована недостаточно. **Цель:** изучение взаимосвязи между киберлафингом и кибербуллингом у учащихся школ и вузов. **Материалы и методы:** участниками исследования стали 344 учащихся школ и вузов г. Челябинска 14–22 лет, из них школьников 128 человек и 216 человек студентов. Для сбора данных использовались шкалы кибелафинга (Y. Akbulut) и кибербуллинга (А.А. Реан и соавторы), для обработки данных: U-критерий Манна – Уитни, CHAID-анализ и χ^2-критерий Пирсона. Расчеты осуществлялись при помощи пакета статистических программ IBM SPSS Statistics v. 27.0. **Результаты.** Выявлено, что учащиеся во время занятий редко отвлекаются на использование телефонов. Среди форм киберлафинга они чаще используют общение или поиск в сети необходимой информации. Дополнительно студенты часто используют социальные сети. Большинство респондентов не вовлечены в кибербуллинг, примерно четверть опрошенных столкнулось с кибербуллингом за последний месяц. Девушки реже, чем юноши, становятся свидетелями кибербуллинга. Кибербуллинг в роли жертвы или свидетеля связан с частотой общения учащихся по телефону во время учебных занятий. Вовлеченность в кибербуллинг в роли агрессора связана с общением по телефону на учебных занятиях и игровым киберлафингом. **Заключение.** Выявлены взаимосвязи игрового и коммуникативного киберлафинга с кибербуллингом. Цель исследования достигнута. Полученные результаты могут способствовать более глубокому пониманию особенностей девиантного поведения, связанного с использованием виртуального пространства.

Ключевые слова: киберлафинг, кибербуллинг, интернет-девиации, интернет-злоупотребления, гаджеты

Благодарности: Исследование проведено благодаря финансовой поддержке Мордовского государственного педагогического института в рамках научного проекта «Девиантное поведение в виртуальном пространстве: изучение взаимосвязи киберлафинга и кибербуллинга», заявка № МК-40-2024 от 31.05.2024 г.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Шевченко А.А. Девиантное поведение в виртуальном пространстве: кибербуллинг и киберлафинг // Психология. Психофизиология. 2025. Т. 18, № 1. С. 63–73. DOI: 10.14529/jpps250106

© Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Шевченко А.А., 2025.

Original article
DOI: 10.14529/jpps250106

Deviant behavior in virtual space: cyberbullying and cyberloafing

N.V. Sivrikova[1], T.G. Ptashko[1], A.A. Shevchenko[2]✉
[1] South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
[2] South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
✉shevchenkoaa@susu.ru

Abstract

Introduction. Internet technologies have become integral to modern life, giving rise to novel forms of deviant behavior in virtual space, such as cyberloafing and cyberbullying. Therefore, the relationships between these phenomena require further investigation. **Aims:** to identify the relationship between cyberloafing and cyberbullying among school and university students. **Materials and methods:** a survey of 344 students aged 14–22 was conducted (128 schoolchildren, 216 university students; Chelyabinsk) using Y. Akbulut's cyberloafing scale and A.A. Rean's cyberbullying scale. Data were analyzed using the Mann–Whitney U test, CHAID analysis, and chi-squared test (IBM SPSS Statistics v 27.0). **Results.** The study revealed that while students rarely engage in phone use during classes, they frequently utilize communication and information-seeking functions on social media. Most respondents were not involved in cyberbullying, but approximately one-quarter had experienced it in the past month. Gender differences emerged, with girls less likely to engage in cyberbullying than boys. Being a witness or a victim of cyberbullying was associated with a frequency of phone communication during classes, while being an aggressor was linked to phone communication and gaming cyberloafing during classes. **Conclusion.** This research demonstrates the relationship between gaming/communicative cyberloafing and cyberbullying. The findings contribute to a better understanding of deviant behavior in virtual space and highlight the need for further investigation into these phenomena.

Keywords: cyberloafing, cyberbullying, cyber deviation, internet abuse, gadgets

Acknowledgments: The survey was financially supported by Mordovian State Pedagogical Institute within the framework of the scientific project "Deviant behaviour in virtual space: exploring the relationship between cyberloafing and cyberbullying", application No. MK-40-2024 as of 31.05.2024.

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Shevchenko A.A. Deviant behavior in virtual space: cyberbullying and cyberloafing. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology*. 2025;18(1):63–73. (in Russ.) DOI: 10.14529/jpps250106

Введение

Информационные технологии плотно укоренились в жизни современного человека и особенно активно используются детьми и молодежью [1]. В связи с событиями эпидемии вируса COVID-19 технологии сейчас активно используются в образовательном пространстве. Однако помимо очевидных плюсов возросшая цифровизация и активное применение гаджетов способствуют развитию таких явлений, как киберлафинг и кибербуллинг.

Явления академического киберлафинга и кибербуллинга активно обсуждаются в научной среде. Эти явления считаются новыми формами девиантного поведения, связанными с использованием виртуального пространства. В настоящее время описана структура каждого из них [2, 3], исследована распространенность киберлафинга [4, 5] и кибербуллинга [6, 7] в разных возрастных группах.

Киберлафинг определяется как использование Интернета в личных целях во время работы/учебы [2]. В зависимости от сферы проявления выделяют бизнес-киберлафинг (на рабочем места), академический киберлафинг (на учебных занятиях) и фаббинг (в межличностных отношениях). В структуру киберлафинга входят: взаимообмен лайками, комментариями и т. д. в сети, онлайн-покупки, присутствие в сети в реальном времени (участие в чатах, группах), доступ к онлайн-контенту (просмотр видео, прослушивание аудио) и онлайн-игры [4].

Кибербуллинг – это вид психологического буллинга, совершающийся посредством применения современных информационных технологий [8]. Кибербуллинг способен вы-

ходить за пределы Интернета в виде других проявлений жестокости [9]. В исследованиях приводятся разные ролевые модели кибербуллинга. Наиболее часто рассматриваются роли жертвы, агрессора и свидетелей [10, 11]. К этим ролям могут добавляться роли защитников жертв, помощников агрессоров [4]. Такое деление является условным, так как один человек может иметь опыт как жертвы, так и агрессора [12].

Несмотря на распространенность проблемы киберлафинга и кибербуллинга и интерес к ним со стороны научного сообщества, взаимосвязь между этими формами девиаций исследовалась недостаточно, что определяет актуальность данной работы.

Обзор литературы

В научных исследованиях нет однозначной позиции относительно природы киберлафинга и его влияния на личность. Можно выделить две противоположные точки зрения, рассматривающие зависимость от гаджетов как конструктивное и как деструктивное (девиантное) явление. Представители первой позиции рассматривают киберлафинг как эффективное использование времени на учебных занятиях. Есть исследования, доказывающие связь киберлафинга со скукой [13] и самообучением [14]. Ряд ученых считают его способом восстановления потраченных ресурсов [15]. Установлено, что взаимодействие в сетях приводит к дружбе, хорошему настроению [16], обеспечивается эффективное социокультурное развитие [17], появляется возможность выполнения нескольких задач одновременно [18]. И в целом не наблюдаются отрицательные аффективные тенденции в поведении [19].

Представители противоположной точки зрения отмечают негативную природу киберлафинга, который характерен для школьников, не способных отказаться от использования телефона не только в школе, но и в других ситуациях [1]. Использование гаджетов на уроках является нарушением правил поведения на уроке, способствует изменению личностных особенностей [20–22], приводит к негативному влиянию на психику в целом и эмоциональную сферу в частности [23]. В работах китайских ученых доказано, что использование смартфонов и мобильного Интернета может приводить к депрессии и тревоге [24, 25], к технологической зависимости, номофобии, нарушению в общении и отношениях [26]. В работе ученых из Южной Кореи выявлена взаимосвязь использования смартфонов и кибербуллинга [27].

Таким образом, установлены связи между киберлафингом и негативными последствиями в сфере личности, эмоций и поведения, между зависимостью от смартфона и кибербуллингом. Однако недостаточно информации о связи академического киберлафинга с кибербуллингом. Все это позволило определить цель эмпирического исследования.

Цель: изучение взаимосвязи между киберлафингом и кибербуллингом у учащихся школ и вузов.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 344 респондента: 128 школьников 14–18 лет (48 % мальчиков и 52 % девочек) и 216 студентов 17–22 лет (43 % юношей и 57 % девушек) – все жители г. Челябинска.

Сбор данных проводился с помощью онлайн-опроса, в который были включены две шкалы: шкала киберлафинга, разработанная Y. Akbulut и его коллегами (адаптация Н.В. Сиврикова) [4], и шкала кибербуллинга опросника школьного буллинга (М.А. Новикова, А.А. Реан, И.А. Коновалов) [3]. Предварительно было получено согласие родителей на участие подростков в исследовании. Студенты давали согласие на участие в исследовании в начале опроса, в конце им задавались вопросы об их поле, возрасте и уровне обучения. Участие в опросе было добровольным и анонимным.

Шкала киберлафинга измеряет общение в сети, шоппинг при помощи Интернета, потребление контента, игры в Интернете и социальные сети. Шкала кибербуллинга измеряет социальный, физический, вербальный буллинг и кибербуллинг. В целях исследования была использована только шкала кибербуллинга.

Для математической обработки данных использовались: U-критерий Манна – Уитни для сравнения показателей студентов и школьников; CHAID-анализ, позволяющий выявлять взаимосвязи между данными, представленными в номинальных шкалах (на основе χ^2-критерия Пирсона). Выбор критерия обусловлен тем, что предварительная проверка данных показала, что исследуемые переменные не распределены нормально (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Критерий нормального распределения
Normal distribution criterion

Исследуемые переменные Variable	Исследуемые группы Group	Критерий Шапиро – Уилка Shapiro–Wilk test		
		Статистика Statistics	Степени свободы Degree of freedom	p
Общение Communication	Школьники / Schoolchildren	0,810	128	0,0001
	Студенты / University students	0,912	216	0,0001
Интернет-покупки Online shopping	Школьники/ Schoolchildren	0,777	128	0,0001
	Студенты / University students	0,865	216	0,0001
Контент Content	Школьники/ Schoolchildren	0,795	128	0,0001
	Студенты / University students	0,902	216	0,0001
Игры Gaming	Школьники/ Schoolchildren	0,761	128	0,0001
	Студенты / University students	0,813	216	0,0001
Социальные сети Social networks	Школьники / Schoolchildren	0,744	128	0,0001
	Студенты / University students	0,902	216	0,0001
Роль жертвы Victim	Школьники/ Schoolchildren	0,574	128	0,0001
	Студенты / University students	0,399	216	0,0001
Роль агрессора Aggressor	Школьники / Schoolchildren	0,403	128	0,0001
	Студенты / University students	0,481	216	0,0001
Роль свидетеля Witness	Школьники / Schoolchildren	0,602	128	0,0001
	Студенты / University students	0,505	216	0,0001

Расчеты проводились с помощью пакета статистических программ SPSS v. 27.0.

Результаты

Уровень киберлафинга у учащихся. Результаты опроса показали, что в исследуемой выборке уровень киберлафинга достаточно низкий (табл. 2).

Согласно средним значениям по группе к киберлафингу участники исследования прибегают редко (M = 1,68). При этом структура киберлафинга имеет свои особенности в зависимости от уровня обучения. В структуре киберлафинга у студентов доминируют такие формы, как общение, использование контента и социальных сетей во время учебных занятий. Реже всего среди них встречается игровой киберлафинг. У школьников к наиболее часто встречающимся формам киберлафинга относятся общение и использование интернет-контента во время уроков. Менее всего на уроках они склонны использовать социальные сети и играть. Были выявлены различия в уровне киберлафинга у школьников и студен-

Таблица 2
Table 2

Медианные значения киберлафинга у учащихся школ и вузов (n = 344)
Median values of cyberloafing in schoolchildren and university students (n = 344)

Формы киберлафинга Forms of cyberloafing	Значение медианы по группе (M) Median values (M)			U-критерий U test	p
	Школьники Schoolchildren	Студенты University students	Всего Total		
Общение / Communication	1,44	1,89	1,66	10868	0,001
Интернет-покупки / Online shopping	1,40	1,41	1,40	11645	0,013
Контент / Content	1,50	1,83	1,67	10681	< 0,001
Игры / Gaming	1,30	1,30	1,30	13390	0,612
Социальные сети / Social networks	1,30	1,60	1,60	10756	0,001
Уровень киберлафинга / Level of cyberloafing	1,62	1,75	1,68	11059	0,002

Psychology. Psychophysiology. 2025, vol. 18, no. 1. pp. 63–73
ISSN 2686-7281 (Print) 2686-729X (Online) https://jpps.susu.ru/jpps/ru

тов (U = 11059; p = 0,002). Студенты более склонны к общению, посещению социальных сетей, совершению интернет-покупок и использованию интернет-контента во время учебных занятий, по сравнению со школьниками.

Вовлеченность учащихся в кибербуллинг. Результаты анализа вовлеченности учащихся в кибербуллинг показали, что большинство (порядка 75 %) опрошенных оказались не вовлечены в кибербуллинг (табл. 3). Около 20 % сталкиваются с данным явлением лично 1–2 раза в месяц в роли жертвы и/или агрессора и 25 % – в роли свидетеля. Около 2 % учащихся сталкиваются с кибербуллингом более 3 раз в месяц в роли жертвы и/или агрессора. При этом оказалось, что девочки реже, чем мальчики, становятся свидетелями кибербуллинга (U = 12888; p = 0,013). В ходе исследования различия в структуре кибербуллинга у школьников и студентов обнаружены не были.

Взаимосвязь киберлафинга и кибербуллинга у учащихся. В рамках данного исследования важно определить, какие формы киберлафинга позволяют лучше всего предсказать вовлеченность в кибербуллинг. Для решения этой задачи использовался CHAID-анализ (см. рисунок).

Результаты CHAID-анализа показали, что вовлеченность в кибербуллинг в роли жертвы связан с частотой общения учащихся по телефону во время учебных занятий. В группе учащихся, которые редко или иногда используют телефон на уроках для общения, доля столкнувшихся с кибербуллингом 1–2 раза за месяц больше, а доля не столкнувшихся с ним ни разу за месяц меньше, чем в группе учащихся, которые никогда или редко общаются по телефону во время учебных занятий ($\chi^2_{эмп}$ = 17,34; ст. св. = 2; $p \le 0,001$). Схожая картина наблюдается и в отношении вовлеченности учащихся в кибербуллинг в роли свидетеля ($\chi^2_{эмп}$ = 21,65; ст. св. = 2; $p \le 0,0001$).

У вовлеченности в кибербуллинг в роли агрессора было обнаружено 2 фактора, связанных с киберлафингом: первый – это общение на учебных занятиях с помощью телефона ($\chi^2_{эмп}$ = 29,6; ст. св. = 2; $p \le 0,0001$), а второй – игровой киберлафинг ($\chi^2_{эмп}$ = 13,9; ст. св. = 2; $p \le 0,005$). Максимальная доля агрессоров (11 %) наблюдается в сегменте учащихся, которые на уроках чаще других играют и общаются с помощью телефона.

В целом структура киберлафинга связана со структурой кибербуллинга. При этом коммуникативный киберлафинг связан с вовлеченностью в кибербуллинг в любой роли. Связь игрового киберлафинга с вовлеченностью в кибербуллинг в роли агрессора опосредована уровнем коммуникативного киберлафинга.

Обсуждение

Важным аспектом изучения девиантного поведения является анализ его распространения в обществе. Данные, полученные в настоящем исследовании, указывают на то, что в России уровень киберлафинга все еще остается низким (M = 1,68), например, если сравнивать с показателями у студентов в Израиле (M = 3,8) [5]. Результаты исследования также согласуются с ранее опубликованными данными о различиях в уровне киберлафинга, связанных со ступенью обучения [2].

Таблица 3
Table 3

Вовлеченность учащихся в кибербуллинг (n = 344)
Engagement in cyberbullying (n= 344)

Показатели вовлеченности Engagement metrics		Ни разу за месяц Not once in a month	1–2 раза за месяц 1–2 times per month	3 и более раз за месяц 3 or more times per month
Роль жертвы Victim	Число испытуемых Number of subjects	268	68	8
	%	77,91	19,77	2,33
Роль агрессора Aggressor	Число испытуемых Number of subjects	266	71	7
	%	77,33	20,64	2,03
Роль свидетеля Witness	Число испытуемых Number of subjects	256	86	2
	%	74,42	25,00	0,58

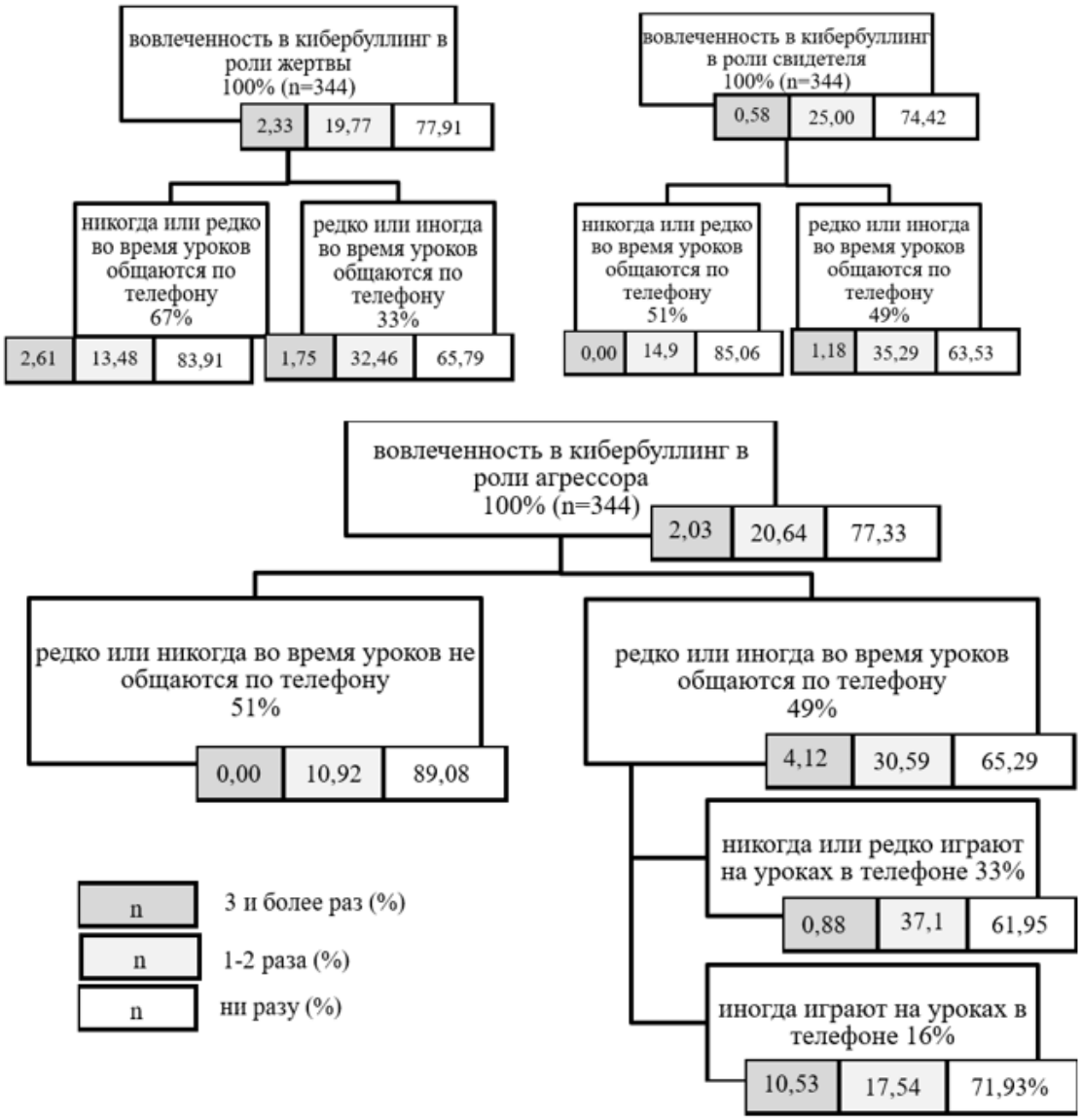

Рис. Связь вовлеченности в кибербуллинг со структурой киберлафинга у учащихся
Fig. Structural relationship between cyberbullying involvement and cyberloafing patterns in student populations

Исследование структуры киберлафинга показало, что в роли жертвы в кибербуллинг вовлечены около 20 % учащихся, что в целом совпадает с данными по российским школьникам, представленными в 2018 году [3], и школьникам/студентам из других стран [6, 27, 28]. Следует отметить, что в зарубежных исследованиях неоправданно мало внимания уделяется вовлеченности детей в кибербуллинг в роли свидетеля, хоть и признается, что кибербуллинг часто происходит в групповых ситуациях, и поэтому то, как молодые люди реагируют, когда они становятся свидетелями кибертравли, важно для процесса борьбы с этой проблемой [29].

Зарубежные исследователи утверждают, что оценка деструктивных форм использования смартфонов на основе частоты и продолжительности представляет собой слишком упрощенный подход к проблеме [30]. Поэтому мы большое внимание уделили изучению структуры киберлафинга и кибербуллинга в нашем исследовании. В структуре киберлафинга учащихся более выраженными являются мотивы общения и поиск информации. Отчасти эти данные подтверждают гипотезу исследователей из Университета Абу-Даби [31] о том, что потребность в общении и страх одиночества лежат в основе формирования проблемного использования социальных се-

тей. Представленное исследование позволяет внести дополнения в предложенную авторами модель и сказать о роли игрового киберлафинга в кибербуллинге. Так оказалось, что доля агрессоров достигает максимального значения (11 %) в сегменте выборки, который отличается не только тем, что учащиеся на учебных занятиях общаются, но и тем, что они на уроках играют в цифровые игры.

Заключение

Поставленная цель исследования была достигнута: выявлены взаимосвязи киберлафинга и кибербуллинга. Представленная работа способствует более глубокому пониманию процессов формирования девиантного поведения, связанного с использованием виртуального пространства. Она дополняет существующие представления о распространенности киберлафинга и кибербуллинга среди российских школьников и студентов.

Представленное исследование в силу использования перекрестных данных исключает возможность обнаружения причинно-следственных связей между явлениями. Об этом можно судить, только исходя из теоретических концепций киберлафинга и кибербуллинга, которые имеют свои ограничения, в том числе и в методологии исследования.

Перспективным направлением дальнейших исследований проблемы киберлафинга и кибербуллинга является проведение исследований с использованием качественных методов сбора данных об изучаемых явлениях. Это позволит приблизиться к пониманию природы изучаемых явлений, а также подтвердить или дополнить существующие теории интернет-девиаций.

Список источников

1. Saritepeci M. Predictors of cyberloafing among high school students: unauthorized access to school network, metacognitive awareness and smartphone addiction // Education and Information Technologies. 2020. № 3 (25). P. 2201–2219. DOI: 10.1007/s10639-019-10042-0

2. Девиантное поведение в современном мире: в фокусе внимания буллинг / Н.В. Сиврикова, Г.Ю. Ярославова, Е.М. Харланова, Н.Г. Дядык. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2023. 177 с.

3. Новикова М.А., Реан А.А., Коновалов И.А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90.

4. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г. Девиантное поведение в современном мире: в фокусе внимания медиапотребление. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2024. 204 с.

5. Examining the relationship between fear of COVID-19, intolerance for uncertainty, and cyberloafing: A mediational model / A. Reizer, B.L. Galperin, M. Chavan et al. // Journal of Business Research. 2022. Vol. 145 (1). P. 660–670. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.03.037.

6. Escario J.-J., Giménez-Nadal J.I., Wilkinson A.V. Predictors of adolescent truancy: The importance of cyberbullying, peer behavior, and parenting style // Children and Youth Services Review. 2022. Vol. 143 (4). Art. ID 106692. DOI: 10.1016/j.childyouth.2022.106692.

7. Exploring the impact of cyberbullying and cyberstalking on victims' behavioural changes in higher education during COVID-19 / A. Bussu, M. Pulina, S.-A. Ashton, M. Mangiarulo // International Journal of Law, Crime and Justice. 2023. Vol. 75. Art. ID 100628. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2023.100628.

8. Путинцева А.В. Развитие феномена кибербуллинга: анализ подходов к определению // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 51–57.

9. Башмакова Е.А., Дегтярев Е.А. Факторы и социальные причины буллинга и кибербуллинга в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71(1). С. 36–38.

10. Приходько А.А., Суворова И.Ю. Школьный буллинг: системность и противодействие // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 136–144. DOI: 10.17759/jmfp.2022110412.

11. Cyberslacking behavior and its relationship with academic performance: a study of students in Indonesia / M. Margaretha, M.Y. Sherlywati, A. Mariana et al. // European Journal of Educational Research. 2021. № 10 (4). P. 1881–1892. DOI: 10.12973/eu-jer.10.4.1881.

12. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Калинина К.Р. Психологические особенности участников ситуации кибербуллинга: анализ ролевого онлайн-поведения // Познание и переживание. 2022. Т. 3, № 1. С. 46–71. DOI: 10.51217/cogexp_2022_03_01_03.

13. Is cyberloafing more complex than we originally thought? Cyberloafing as a coping response to workplace aggression exposure / S.A. Andel, S.R. Kessler, S. Pindek et al. // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 101. P. 124–130.

14. The effect of cyberloafing on employee productivity / M. Saleh, I. Daqqa, M.B. AbdulRahim, N. Sakallah // International Journal of advanced and applied sciences. 2018. Vol. 5(4). P. 87–92.

15. Tsai H.Yu. Do you feel like being proactive day? How Daily Cyberloafing Influences Creativity and Proactive Behavior: The Moderating Roles of Work Environment // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 138. Art ID 107470. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107470.

16. Impact of university E-Learning environment on value orientations of students / M. Shabden, A. Bulatbaeva, A. Doshybekov et al. // World Journal on Educational Technology. 2022. № 14 (2). P. 473–483. DOI: 10.18844/wjet.v14i2.6975.

17. Socio-cultural development of students in the context of dialogue technology / Z. Alibayeva, B. Sarsenbayeva, S. Temirgalieva et al. // World Journal on Educational Technology. 2022. Vol. 14 № 3. P. 951–962. DOI: 10.18844/wjet.v14i3.7320

18. Jiang J., CameronA-F., Opoku-Mensah E. Toward a multilevel framework of multicommunicating: Insights from a systematic review // Computers in Human Behavior Reports. 2023. Vol. 12 (3). Art ID e100349. DOI: 10.1016/j.chbr.2023.100349.

19. A meta-analysis of the impact of gamification in formal educational settings on affective and behavioral outcomes / A.D. Ritzhaupt, R. Huang, M. Sommer et al. // Educational Technology Research and Development. 2021. № 69 (8). P. 2493–2522. DOI: 10.1007/s11423-021-10036-1.

20. A narrative review of methods used to examine digital gaming impacts on learning and cognition during middle childhood / R.M. Flynn, E. Kleinknecht, A.A. Ricker, F.C. Blumberg // International Journal of Child Compute Interaction. 2021. № 30 (6). Art. ID 100325. DOI: 10.1016/j.ijcci.2021.100325.

21. Bystander responses to cyberbullying: The role of perceived severity, publicity, anonymity, type of cyberbullying, and victim response/ P.J.R. Macaulay, L.R. Betts, J. Stiller, B. Kellezi // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 131. Art. ID e-107238. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107238.

22. Cyberloafing Behavior and Its Effects Towards Academic Achievement Among Students in Higher Education Institution / T.K. Mei, A.F. Mahamood, S. Abdullah et al. // Journal of Human Development and Communication. 2021. № 10. P. 115–133. URL: http://dspace.unimap.edu.my:80/xmlui/handle/123456789/74720 (дата обращения: 25.04.2024)

23. Juuti K., Kervinen A., Loukomies A. Quality over frequency in using digital technology: Measuring the experienced functionaluse // Computers and Education. 2022. № 176 (1). Art. ID 104361. DOI: 10.1016/j.compedu.2021.104361.

24. Huang E., Xing Y, Song X. Emotional Analysis of Multiplayer Online Battle Arena (MOBA) Games Addiction // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Art. ID 1347949. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1347949.

25. The association between the deviation from balanced time perspective on adolescent pandemic mobile phone addiction: the moderating role of self-control and the mediating role of psychological distress / H. Zhang, C. Chen, L. Zhang et al. // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 14. Atr. ID 1298256. DOI: 10.3389/fpsyg.2023. 1298256.

26. University students' relationship with technology: Psychological effects on students / A. Kurmanova, S. Kozhayeva, G. Ayupova et al. // World Journal on Educational Technology. 2023. Vol. 15, № 1. P. 1225–1233. DOI: 10.18844/wjet.v14i4.7743.

27. Kim J.H., Song H.Y., Jung G.H. Relationship between positive parenting and cyberbullying perpetration among adolescents: role of self-esteem and smartphone addiction // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 14. Art. ID 1252424. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1252424.

28. Martínez-Monteagudo A., Martínez-Monteagudo M., Delgado B. School bullying and cyberbullying in academically gifted students: A systematic review // Aggression and Violent Behavior. 2023. Vol. 71(4). Art. ID 101842. DOI: 10.1016/j.avb.2023.101842.

29. Witnesses in cyberbullying: Roles and dilemmas / D. Pepler, F. Mishna, J. Doucet, M. Lameiro // Children and Schools. 2021. Vol. 43 (1). P. 45–53. DOI: 10.1093/cs/cdaa027

30. Nawaz S. Rethinking classifications and metrics for problematic smartphone use and dependence: Addressing the call for reassessment // Computers in Human Behavior Reports. 2023. Vol. 12 (4). Art. ID e-100327. DOI: 10.1016/j.chbr.2023.100327.

31. The dark side of social media platforms: A situation-organism-behaviour-consequence approach / F. Jabeen, A. Tandon, N. Azad et al. // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 186. Part A. Art. ID e-122104. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.122104

Поступила 16.08.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 21.10.2024.

Информация об авторах

Сиврикова Надежда Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра «Социальная работа, педагогика и психология», Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9757-8113, e-mail: bobronv@cspu.ru

Пташко Татьяна Геннадиевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Социальная работа, педагогика и психология», Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (454080, Челябинск, пр. Ленина, 69); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0235-4190, e-mail: ptashko75@mail.ru

Шевченко Анна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра «Психология управления и служебной деятельности», Южно-Уральский государственный университет (Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3246-0920; e-mail: shevchenkoaa@susu.ru

Заявленный вклад авторов:

Сиврикова Н.В. – научное руководство, обзор литературы, подготовка и проведение эмпирического исследования, сбор и интерпретация данных исследования, написание текста;

Пташко Т.Г. – обзор литературы, проведение эмпирического исследования, визуализация/представление данных в тексте, написание текста;

Шевченко А.А. – написание текста, визуализация/представление данных в тексте, исправление и форматирование, доработка начального варианта статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Saritepeci M. Predictors of cyberloafing among high school students: unauthorized access to school network, metacognitive awareness and smartphone addiction. *Education and Information Technologies*. 2020;3(25):2201–2219. DOI: 10.1007/s10639-019-10042-0

2. Sivrikova N.V., Yaroslavova G.Yu., Kharlanova E.M., Dyadyk N.G. *Deviantnoe povedenie v sovremennom mire: v fokuse vnimaniya bulling* [Deviant behavior in the modern world: the focus is on bullying]. Chelyabinsk: YuURGPU Publ. 2023:177. (in Russ.).

3. Novikova M.A., Rean A.A., Konovalov I.A. Bullying in Russian schools: experience in diagnosing prevalence, gender and age characteristics and connections with school climate. *Voprosi obrazovaniya = Education issues*. 2021;3:62–90. (in Russ.).

4. Sivrikova N.V., Ptashko T.G. Deviant behavior in the modern world: focus on media consumption. Chelyabinsk: YuURGPU Publ. 2024:204. (in Russ.).

5. Reizer A., Galperin B.L., Chavan M. et al. Examining the relationship between fear of COVID-19, intolerance for uncertainty, and cyberloafing: A mediational model. *Journal of Business Research*. 2022;145:660–670. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.03.037.

6. Escario J.-J., Giménez-Nadal J.I., Wilkinson A.V. Predictors of adolescent truancy: The importance of cyberbullying, peer behavior, and parenting style. *Children and Youth Services Review*. 2022;143:106692. DOI: 10.1016/j.childyouth.2022.106692.

7. Bussu A., Pulina M., Ashton S.-A., Mangiarulo M. Exploring the impact of cyberbullying and cyberstalking on victims' behavioural changes in higher education during COVID-19. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2023;75:100628. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2023. 100628.

8. Putintseva A.V. Development of the phenomenon of cyberbullying: analysis of approaches to definition. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii =Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;3(89):51–57. (in Russ.).

9. Bashmakova E.A., Degtyarev E.A. Factors and social causes of bullying and cyberbullying in adolescence. *Problemi sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern teacher education*. 2021;71(1):36–38. (in Russ.).

10. Prikhodko A.A., Suvorova I.Yu. School bullying: systematicity and counteraction. *Sovremennaya zarubejnaya psihologiya = Modern foreign psychology*. 2022;11(4):136–144. DOI: 10.17759/jmfp.2022110412. (in Russ.).

11. Margaretha M., Sherlywati M.Y., Mariana A. et al. Cyberslacking behavior and its relationship with academic performance: a study of students in Indonesia. *European Journal of Educational Research*. 2021;10(4):1881–1892. DOI: 10.12973/eu-jer.10.4.1881.

12. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Kalinina K.R. Psychological characteristics of participants in a cyberbullying situation: analysis of online role behavior. *Poznanie i perejivanie = Cognition and experience*. 2022;3(1):46–71. (in Russ.).

13. Andel S.A., Kessler S.R., Pindek S. et al. Is cyberloafing more complex than we originally thought? Cyberloafing as a coping response to workplace aggression exposure. Computers in Human Behavior. 2019;101:124–130.

14. Saleh M., Daqqa I., Abdul Rahim M.B., Sakallah N. The effect of cyberloafing on employee productivity. *International Journal of advanced and applied sciences*. 2018;5(4):87–92.

15. Tsai Hung-Yu Do you feel like being proactive day? How Daily Cyberloafing Influences Creativity and Proactive Behavior: The Moderating Roles of Work Environment. *Computers in Human Behavior*. 2023;138:107470. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107470.

16. Shabden M., Bulatbaeva A., Doshybekov A. et al. Impact of university E-Learning environment on value orientations of students. *World Journal on Educational Technology*. 2022;14(2):473-483. DOI: https://doi.org/10.18844/wjet.v14i2. 6975.

17. Alibayeva Z., Sarsenbayeva B., Temirgalieva S. et al. Socio-cultural development of students in the context of dialogue technology. *World Journal on Educational Technology*. 2022;14(3):951–962. DOI: 10.18844/wjet.v14i3.7320.

18. Jiang J., Cameron A-F., Opoku-Mensah E .Toward a multilevel framework of multicommunicating: Insights from a systematic review. *Computers in Human Behavior Reports*. 2023;12(3):100349. DOI: 10.1016/j.chbr. 2023.100349.

19. Ritzhaupt A.D., Huang R., Sommer M. et al. A meta-analysis of the impact of gamification in formal educational settings on affective and behavioral outcomes. *Educational Technology Research and Development*. 2021;69:2493–2522. DOI: 10.1007/s11423-021-10036-1

20. Flynn R.M., Kleinknecht E., Ricker A.A., Blumberg F.C. A narrative review of methods used to examine digital gaming impacts on learning and cognition during middle childhood. *International Journal of Child Compute Interaction*. 2021;30:100325. DOI: 10.1016/j.ijcci.2021.100325

21. Macaulay P.J.R., Betts L.R., Stiller J., Kellezi B. Bystander responses to cyberbullying: The role of perceived severity, publicity, anonymity, type of cyberbullying, and victim response. Computers in Human Behavior. 2022:131.e-107238. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107238

22. Mei T.K., Mahamood A.F., Abdullah S., Yakob T.K.T., Mokhdzar Z.A. Cyberloafing Behavior and Its Effects Towards Academic AchievementAmong Students in Higher Education Institution. Journal of Human Development and Communication. 2021;10:115–133. Available at: http://dspace.unimap.edu.my:80/xmlui/handle/123456789/74720 (accessed: 25.04.2024)

23. Juuti K., Kervinen A., Loukomies A. Quality over frequencyinusing digital technology: Measuring the experienced functionaluse. *Computers and Education*. 2022;176:104361. DOI: 10.1016/j.compedu.2021.104361.

24. Huang E., Xing Y., Song X. Emotional Analysis of Multiplayer Online Battle Arena (MOBA) Games Addiction. *Frontiers in Psychology*. 2024;15:1347949 DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1347949.

25. Zhang H., Chen C., Zhang L. et al. The association between the deviation from balanced time perspective on adolescent pandemic mobile phone addiction: the moderating role of self-control and the mediating role of psychological distress. *Frontiers in Psychology*. 2024;14:1298256. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1298256.

26. Kurmanova A., Kozhayeva S., Ayupova G. et al. University students' relationship with technology: Psychological effects on students. *World Journal on Educational Technology*. 2023;15(1):1225–1233. DOI: 10.18844/wjet.v14i4.7743

27. Kim J.H., Song H.Y. and Jung G.H. Relationship between positive parenting and cyberbullying perpetration among adolescents: role of self-esteem and smartphone addiction. *Frontiers in Psychology*. 2024;14:1252424. DOI: 10.3389/fpsyg. 2023.1252424.

28. Martínez-Monteagudo A., Martínez-Monteagudo M., Delgado B. School bullying and cyberbullying in academically gifted students: A systematic review. *Aggression and Violent Behavior*. 2023;71:101842. DOI: 10.1016/j.avb.2023.101842.

29. Pepler D., Mishna F., Doucet J., Lameiro M. Witnesses in cyberbullying: Roles and dilemmas. *Children and Schools*. 2021;43(1):45–53. DOI: 10.1093/cs/cdaa027

30. Nawaz S. Rethinking classifications and metrics for problematic smartphone use and dependence: Addressing the call for reassessment. *Computers in Human Behavior Reports*. 2023;12(4):100327. DOI: 10.1016/j.chbr.2023.100327.

31. Jabeen F., Tandon A., Azad N. et al. The dark side of social media platforms: A situation-organism-behaviour-consequence approach. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;186(A):122104. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.122104

Submitted 16.08.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 21.10.2024.

About the authors

Nadezhda V. Sivrikova, Can. Sci. (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (69, Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russia); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9757-8113; bobnv79@mail.ru

Tatyana G. Ptashko, Can. Sci. (Education), Associate Professor of the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (69, Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russia); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0235-4190; ptashko75@mail.ru

Anna A. Shevchenko, Can. Sci. (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychology of Management and Law Enforcement Activities, South Ural State University (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russia); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3246-0920; shevchenkoaa@susu.ru

Contribution of the authors

Sivrikova N.V. – scientific management, reviewing the relevant literature, preparation and implementation of empirical research, collection и interpretation of research data, writing the text.

Ptashko T.G. – reviewing the relevant literature, implementation of empirical research, visualization/presentation of data in the text, writing the text.

Shevchenko A.A. – writing the text, revision of the text, visualization/presentation of data in the text, correction and edition.

All authors have read and approved the final manuscript.